

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.2743](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2743)

С. И. Чудинов, Д. А. Казначеев

**РАЗВИТИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
ИСЛАМИСТСКИХ СООБЩЕСТВ
В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»****Правильная ссылка на статью:**

Чудинов С. И., Казначеев Д. А. Развитие идеологического дискурса исламистских сообществ в социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 152—177. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2743>.

For citation:

Chudinov S. I., Kaznacheev D. A. (2025) The Development of Ideological Discourse Among Islamist Communities on the Social Network VKontakte. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 152–177. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.2743>. (In Russ.)

Получено: 26.09.2024. Принято к публикации: 26.09.2025.

**РАЗВИТИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
ИСЛАМИСТСКИХ СООБЩЕСТВ В СОЦИАЛЬ-
НОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»**

ЧУДИНОВ Сергей Иванович — кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии и истории, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Новосибирск, Россия
E-MAIL: personallymail@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3958-0383>

КАЗНАЧЕЕВ Дмитрий Алексеевич — кандидат экономических наук, доцент, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, Новосибирск, Россия
E-MAIL: dmitriynsk@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7191-4585>

Аннотация. Статья нацелена на исследование изменений дискурса исламистских (преимущественно радикально-салафитских) сообществ в социальной сети «ВКонтакте» за последние годы. Авторы анализируют, каким образом идеологические установки модифицируются и обретают новые формы репрезентации в условиях значительных ограничений в распространении радикального и экстремистского контента. Исследование основывается на данных мониторинга 19 виртуальных исламистских сообществ в социальной сети «ВКонтакте» (проводился с ноября 2023 г. по март 2024 г.) и методологических положениях критического дискурса-анализа. Исследуемые сообщества в соответствии с классификацией Д. Холбрука разделены на три типа по степени радикальности контента («умеренный», «пограничный» и «радикальный»). По итогам анализа транслируемого онлайн-сообществами идеологического дискурса определены наиболее характерные и популярные темы, дискурсивные стратегии репрезентации радикальных идей, соотношение тематик с различной

**THE DEVELOPMENT OF IDEOLOGICAL DIS-
COURSE AMONG ISLAMIST COMMUNITIES
ON THE SOCIAL NETWORK VKONTAKTE**

Sergey I. CHUDINOV¹ — Cand. Sci. (Philos.), Head of the Department of Philosophy and History
E-MAIL: personallymail@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3958-0383>

Dmitry A. KAZNACHEEV¹ — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor
E-MAIL: dmitriynsk@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7191-4585>

¹ Siberian State University of Telecommunications and Information Science, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article aims to identify changes in the discourse of Islamist communities (mainly radical Salafi) on the VKontakte social network in recent years. The authors analyze how ideological attitudes are modified and acquire new forms of representation in conditions of significant restrictions in the dissemination of radical and extremist content. The study is based on monitoring data from 19 virtual Islamist communities on the VKontakte social network (collected from November 2023 to March 2024) and methodological principles of critical discourse analysis. According to Donald Holbrook's classification, the studied communities are divided into three types based on the radicality of their content (moderate, fringe, and radical). Results of the ideological discourse analysis represents characteristic and popular topics, discursive strategies for broadcasting radical ideas, and the ratio of topics with different emotional and semantic tonalities. The study shows that the moderate and part of the fringe communities are characterized by a discursive strategy of deliberately 'blurred' semantics of those categories and

эмоционально-смысловой тональностью. Результаты исследования демонстрируют, что для «умеренных» и части «пограничных» сообществ характерна дискурсивная стратегия сознательно «размытой» семантики тех категорий и понятий, которые могут быть оценены как выражающие радикальные идеологические установки. В случае «радикальных» сообществ дискурс приобретает большую конкретизацию и интенсифицируется вплоть до завуалированной легитимизации насилия. При этом обнаруживаются общие тематические линии и нарративы, относящиеся к компонентам радикального дискурса. Отмечается тенденция снижения градуса радикальности транслируемого салафитскими сообществами дискурса, приобретения дискурсом более завуалированных форм при сохранении значительной онлайн-аудитории.

Ключевые слова: онлайн-радикализация, виртуальные радикальные сообщества, салафизм, салафитские онлайн-сообщества, экстремизм, дискурс-анализ, ВКонтакте, ислаимизм

concepts that can be assessed as expressing radical ideological attitudes. In the case of radical communities, the discourse becomes more specific and intensifies, even to the point of veiled legitimization of violence. The study reveals common thematic lines and narratives related to the components of radical discourse. There is a tendency for the degree of radicalism of the discourse broadcast by Salafi communities to decrease, and for the discourse to acquire more veiled forms while maintaining a significant online audience.

Keywords: online radicalization, virtual radical communities, Salafism, Salafi online communities, extremism, discourse analysis, VKontakte, Islamism

Введение

Проблеме онлайн-радикализации (процессу принятия индивидами радикальных и экстремистских убеждений и взглядов под влиянием пропаганды, осуществляемой в интернете) и роли социальных сетей в индоктринации экстремистскими и террористическими идеями посвящено уже немало научных публикаций [Newmann, 2021; Post, McGinnis, Moody, 2014; Rudner, 2016; Odağ, Leiser, Boehnke, 2019 и др.]. Онлайн-радикализация давно рассматривается как самостоятельный путь привлечения новых последователей со стороны экстремистских и террористических организаций и подготовки потенциальных террористов [Sageman, 2009; Ducol, 2012]. Несмотря на значительные усилия в области ограничительных мер в отношении циркулируемого в российских социальных сетях контента, связанного с радикальными религиозно-политическими и политическими идеологиями, пропагандой экстремизма и терроризма, ситуация остается неоднозначной. С одной стороны, ресурсы наиболее радикальных и запрещенных организаций эффективно блокируются и степень радикальности транслируемого радикально-салафитскими сообществами за последние годы существенно снизилась [Барышев, Кашпур, Чудинов, 2022]. С другой стороны, большинство подобных сообществ,

как показывают результаты мониторингов, успешно адаптировались к ужесточившимся ограничениям социальной сети «ВКонтакте» [Myagkov et al., 2020b], а совокупная онлайн-аудитория салафитских ресурсов едва ли значительно уменьшилась. В итоге присутствие радикальных сообществ в российских социальных сетях, в особенности на платформе «ВКонтакте», сохраняется. Это создает риски радикализации сознания пользователей (прежде всего российской молодежи из мусульманской среды с неустойчивой идентичностью, которая испытывает социальную маргинализацию) и рекрутирования новых адептов исламистских течений через цифровую среду, но в более скрытом виде. В данном контексте постоянный мониторинг и анализ контента функционирующих в российских социальных сетях радикальных салафитских групп, отслеживание модификации дискурсивных стратегий представляются крайне важными задачами.

Идеологический дискурс виртуальных салафитских сообществ является предметом мониторинга, контент- и дискурс-анализа в зарубежных исследованиях. Чаще всего изучаются англоязычные группы, функционирующие на таких платформах, как Facebook¹ [Bouko et al., 2020; Saoudi, 2020] и X (бывший Twitter) [Klausen, 2015]. Некоторые научные коллективы пытаются охватить своим исследованием более крупную совокупность исламистских онлайн-ресурсов, выстраивая концепцию «цифровой салафитской экосистемы» [Ayad, 2021; Guhl, 2021]. Радикальные сообщества различных направлений и салафитские группы в социальной сети «ВКонтакте» крайне редко становятся предметом зарубежных исследований [Müller, Harrendorf, Mischler, 2022].

Некоторые работы отличает компаративная направленность: в них сравнивается контент праворадикальных и салафитских онлайн-групп в контексте лексикометрического анализа (в основном сводящегося к поиску ключевых терминов и выражений, свойственных для радикализованного языка) [ibid.] или в контексте задачи по созданию «медиаиндекса» экстремистских материалов [Holbrook, 2015]. Следует также отметить целое направление исследований, нацеленное на выявление актуальных (онлайн) нарративов исламистских движений [Fisher, 2015; Schmid, 2015; Barton, 2019], и группу публикаций, связанную с тематизацией (преимущественно визуального) медийного контента «Исламского государства» (ИГ, ИГИЛ)* и «Аль-Каиды»*² в рамках методологии мультимодального дискурс-анализа [O'Halloran et al., 2017; Wignell et al. 2017].

В сфере отечественных социально-гуманитарных исследований сохраняется высокая популярность тематики радикального ислама (исламизма), идеологии салафизма в целом. При этом радикально-салафитские виртуальные сообщества, особенности репрезентации салафитского дискурса в цифровой среде систематически исследуются довольно ограниченным кругом авторов [Myagkov et al. 2020a; Myagkov et al. 2020b; Барышев, Кашпур, Чудинов, 2022].

Цель данного исследования — выявить изменения в дискурсе радикально-салафитских сообществ за последние несколько лет: каким образом идеологические установки модифицируются и обретают новые формы репрезентации

¹ Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ (20.06.2022).

² Здесь и далее * означает признанные террористическими и запрещенные в России организации.

в условиях значительных ограничений в распространении радикального и деструктивного контента в социальной сети ВКонтакте.

Несмотря на то что в последние годы радикальные онлайн-сообщества активно переходят на другие, менее цензурируемые платформы, анализ их присутствия во «ВКонтакте» сохраняет свою актуальность. Формат платформы YouTube, которая отказывается удалять (значительно разившийся за последние годы) экстремистский контент, не подходит администраторам сообществ на территории России, которые опасаются вести открытую пропаганду и к тому же не обладают ресурсами для производства регулярного видеоконтента. Поскольку другие социальные сети в России (включая Telegram) «просто несопоставимы по масштабам влияния» с платформой «ВКонтакте» [Красиков, Оганесян, 2024: 98], радикальные группы предпочитают адаптироваться к ограничениям этой платформы и сохранять свое устойчивое присутствие на ней.

Методология исследования

В нашем исследовании, продолжающем более ранние мониторинги радикальных и экстремистских онлайн-сообществ, из нескольких десятков групп в качестве объекта дискурс-анализа было отобрано 19 салафитских исламистских (преимущественно салафитских, то есть следующих идеологии Мухаммада Ибн Абд аль-Ваххаба и его современных последователей) онлайн-сообществ, активно функционирующих (в которых контент обновлялся хотя бы за последние два-три месяца) и наиболее востребованных у онлайн-аудитории, что выражается в количестве подписчиков и их активности. Несколько групп (существующих длительный период, но продолжающих свою активность) были включены из ранее анализировавшихся авторами интернет-ресурсов. Остальные группы были идентифицированы впервые по ссылкам внутри уже обнаруженных групп или в результате поиска в социальной сети по ключевым лингвистическим маркерам, позволяющим идентифицировать салафитский дискурс. К примеру, использование понятия «манхадж саляфов» для самоидентификации течения или обильное использование терминов «нововведенцы» (в религии), «мушрики», «кяфиры» в отношении идейных противников. Несколько сообществ оказались принадлежащими не к салафитской идеологии, но другому течению политизированного и радикализованного ислама (оказывают поддержку палестинскому движению ХАМАС), поэтому в исследовании мы применяем термин «исланизм» для характеристики совокупной выборки.

Группы с количеством подписчиков менее 500 оценивались нами как малозначительные (востребованные группы обычно довольно быстро приобретают сотни подписчиков и вырастают как минимум до нескольких тысяч). В нижнюю строку перечня онлайн-сообществ попала группа, состоящая из 512 подписчиков, довольно примечательная повышенным градусом радикальности транслируемого дискурса. Остальные виртуальные сообщества превышают показатель в 6 тыс. подписчиков, а отдельные из них доходят до сотни и более двух сотен тысяч подписчиков.

Исследование охватывает период мониторинга активности онлайн-сообществ с 1 ноября 2023 по 31 марта 2024 г. Данными сообществ, которые составили эмпирическую базу исследования, стали выкачанные за указанный период публикации, статистические данные по их просмотрам, количеству лайков, репостов

и комментариев к ним. Для получения данных использовался сервис API в социальной сети «ВКонтакте».

При интерпретации дискурса и методов его анализа мы придерживались методологических ориентиров критического дискурс-анализа. Данный подход выходит за границы лингвистического анализа и рассматривает дискурс как «использование языка, рассматриваемое как форма социальной практики», а дискурсивный анализ — как «анализ того, как тексты работают в рамках социокультурной практики» [Fairclough, 2010: 7]. Таким образом, дискурс понимается не только как речевая практика, но и инструмент социальных изменений и формирования социальных институтов. Т. Ван Дейк подчеркивает, что дискурсивные структуры так или иначе участвуют в репродуцировании «социального доминирования, или замешаны во властных отношениях [Van Dijk, 2001: 354]. Следовательно, дискурс радикальных и оппозиционных (по отношению к существующему социальному и государственному порядку) сообществ может быть оценен как социокультурная практика, нацеленная на делегитимацию власти идеологическими и медийными средствами и формирование альтернативной социально-сетевой среды. Что касается уровней анализа дискурса, которые выделяются в критическом дискурс-анализе и родственных ему подходах, то нас прежде всего будут интересовать два уровня — определение ведущей тематики и дискурсивных стратегий репрезентации радикального контента [Abdulmajid, 2023: 57].

Идентифицированные в качестве исламистских онлайн-сообщества были подразделены по степени радикальности на несколько категорий. При этом мы опирались на критерии идентификации и классификации радикальности медийного контента, разработанные Д. Холбруком [Holbrook, 2015]. Данная методология уже была успешно апробирована в более ранних исследованиях при мониторинге праворадикальных и радикально-салафитских групп [Myagkov et al., 2020b].

Согласно Д. Холбруку, для умеренного контента свойственно отсутствие «одобрения насилия и ненависти по отношению к определенным сообществам» и в целом умеренное содержание пропагандируемых взглядов в информационных материалах [Holbrook, 2015: 67]. «Пограничный» (fringe) контент уже ориентирован на формирование изоляционистских установок у своей группы, он «политически радикальный и конфронтационный», в нем «имеются проявления ненависти и вражды к конкретным группам без открытого призыва к насилию» [ibid.]. «Гнев и враждебность могут проявляться по отношению к определенной группе людей, такой как “куффары” (неверующие) или иммигранты, без дополнительного предположения о том, что эти люди каким-то образом являются “недочеловеками” и законными объектами насилия» [ibid.]. Третий уровень радикальности контента Д. Холбрук называет «экстремальным» (extreme), он ассоциируется с легитимизацией или восхвалением насилия, дегуманизацией конкретных социальных групп (выделяемых по признаку расы, пола, происхождения и др.) с целью лишения их права на существование [ibid.].

Степень радикальности транслируемого салафитскими сообществами дискурса в социальной сети «ВКонтакте» за несколько предыдущих лет имеет тенденцию к снижению. Формы выражения своей враждебной позиции по отношению к идеологическим оппонентам или тем, кто воспринимается как «враги» (несалафитские

исламские и неисламские социальные группы), а также индоктринации онлайн-аудитории радикальными идеями приобрели более закамуфлированный вид. Поэтому критерии определения степени радикализма идеологических позиций виртуальных сообществ требуют корректировки. Открытые призывы к насилию — это уже большая редкость для российских социальных сетей, в особенности для платформы «ВКонтакте» (где запрещенный, экстремистский и террористический контент отслеживается и регулярно блокируется). По этим причинам анализируемые онлайн-сообщества с салафитской идеологией мы подразделили на «умеренные», «пограничные» и «радикальные».

«Умеренные» сообщества максимально маскируют свои салафитские убеждения, в основном сосредотачиваясь на общих вопросах религиозного культа и этики поведения мусульманина. К категории «пограничных» сообществ мы отнесли те, которые проповедуют откровенный изоляционизм и вражду к несалафитским (неисламистским) группам. Это проявляется в форме пропаганды доктрины «дружбы и непричастности», которая предписывает «проявлять ненависть» к «неверным». К врагам причисляются также «нововведенцы» (в религии) — адепты традиционных богословских школ суннитского ислама, суфии, шииты и др. При этом практические предписания по отношению к врагам не прояснены.

«Радикальные» сообщества предположительно занимают наиболее крайнюю позицию, но максимально ее маскируют, поэтому по формальным признакам мы не можем их отнести к категории «экстремальных» по Д. Холбруку (отсутствуют прямые призывы к насилию и пр.) [Holbrook, 2015: 67]. При этом имеются косвенные признаки влияния идеологии джихадизма и террористических движений (в некоторых случаях заметно влияние идеологии ИГ*; помимо этого, пара сообществ поддерживает джихадистское палестинское движение ХАМАС, во многих странах признанное террористическим). Критика современного общества более тотальна: активно продвигается тема отказа от подчинения «тагуту» (любой объект поклонения, кроме Бога), что ведет к открытому отвержению легитимности светских, демократических государственных институтов. Образ врага более конкретизируется, иногда сочетаясь с косвенным оправданием насилия (к примеру, в одном из постов говорится, что «нововведенцев» следует «устрашать» и «наказывать»).

После классификации по уровню радикализма был сформирован окончательный перечень сообществ (см. табл. 1).

Таблица 1. Список исламистских сообществ, 26 июня 2024 г.

Наименование сообщества	Уровень радикализма	Количество участников (тыс. человек)
® assalamu ale'kum	Умеренный	242
Сады Мудрости	Умеренный	110
К Единобожию.	Умеренный	45
Ханифия	Умеренный	38
Этика требования знаний	Умеренный	36
Блокнот Единобожника	Пограничный	111
3:19 إن الدين عند الله الإسلام	Пограничный	65
Конспекты для ищущих знания	Пограничный	43

Наименование сообщества	Уровень радикализма	Количество участников (тыс. человек)
Ahlu Sunnah Wal' Jama'a Fatwa Online	Пограничный	29
TAUHID_التوحيد	Пограничный	26
زهد	Пограничный	18
Исцеления сердец	Пограничный	15
FAWA'ID	Пограничный	8
Vabil	Пограничный	6
Al Qamar	Радикальный	12
ASH-SHAMS	Радикальный	11
Guraba	Радикальный	10
هائم	Радикальный	6
INTISOAR	Радикальный	0,512

Полученные данные (посты, статистические данные по количеству лайков, просмотров, репостов, комментариев) были подвергнуты последующей обработке. В первую очередь внимание было направлено на выявление наиболее популярных тем и коммуникативных посланий в транслируемом дискурсе. При этом учитывались три метрики: лайки, репосты и комментарии. Как показал предварительный анализ, показатель количества просмотров отражает интерес к опубликованному сообщению, но не обязательно одобрение его содержания. Лайки и репосты точнее указывают на степень востребованности конкретного поста. Комментарии же — лишь частично на популярность поста. Они также связаны с дискуссионностью коммуникативного послания аудитории. Их повышенное количество, выходящее за средний показатель, говорит о различиях в реакциях и мнениях (а иногда и о целенаправленном провоцировании дискуссии со стороны идейных противников салафитов). Поэтому тональность комментариев учитывалась в том случае, когда обсуждение не было связано непосредственно с темой поста (посты с подобными комментариями не учитывались как востребованные).

Материалом для последующего дискурс-анализа в каждом сообществе становились первые десять самых популярных постов по количеству реакций (лайков), десять репостов и десять комментариев. Именно данный срез контента был отнесен к уровню «наиболее востребованного» у онлайн-аудитории. В данном сегменте контента посты анализировались на выявление ключевых тем и нарративов с распределением на три модуса эмоционально-смысловой тональности — нейтральный, позитивный и негативный. Нейтральная тональность означает, что содержание постов идеологически нейтрально. Как правило, это объявления рекламного характера, например о сборе средств для помощи единоверцам. Позитивная тональность связана с формированием нормативного образа последователя «истинного ислама», характеристикой положительных нравственных качеств верующего, укреплением духовных и моральных ориентиров собственного сообщества (без противопоставления своего сообщества светскому обществу или оппонентам и «врагам»). Негативная тональность означает концентрацию на темах, нацеленных на конфронтацию и борьбу с внутренними и внешними врагами (несалафитскими течениями ислама, «отступниками» от веры, «неверными» и пр.).

Для более полного обзора дискурса сообществ на втором этапе исследования было выделено несколько условных уровней (сегментов дискурса) по критерию востребованности. В качестве основного был взят показатель количества лайков (предварительный статический анализ показал, что в большинстве случаев посты с наибольшим количеством лайков также набирают и наибольшее количество репостов; в данном случае показатель комментариев не учитывался). Для определения границ уровней востребованности контента у цифровой аудитории были взяты усредненные показатели. Контент сообществ условно подразделен на «слабо востребованный» (до 49 лайков), «низкого» (от 50 до 99 лайков), «среднего» (от 100 до 399), «высокого» (от 400 лайков и выше) уровня востребованности. Задача состояла в выявлении радикальных компонентов дискурса (ключевых нарративов) в сегментах различного уровня востребованности.

Поскольку в исследовании внимание было сконцентрировано именно на транслируемом радикальном дискурсе и его изменении, демографические данные участников групп не собирались и не анализировались. К ограничениям исследования следует отнести наличие закрытых групп и невозможность анализа удаленных постов (в некоторых случаях с течением времени контент редактируется администраторами).

Результаты дискурс-анализа исламистских онлайн-сообществ

«Умеренные» сообщества

В сегменте сообществ, которые были идентифицированы как «умеренные», основное содержание составляют нравственные и религиозные наставления общего характера. Вопросы вероучения (акиды) и религиозного права отражены крайне слабо. При этом образ врага (как внешнего для мусульманского сообщества, так и внутреннего) представлен в абстрактных чертах. Радикальные компоненты дискурса могут присутствовать, но не в систематизированном виде, а скорее в виде общих и завуалированных предписаний.

В «умеренных» салафитских онлайн-сообществах религиозные и политические установки зачастую представлены в имплицитном виде. В одном из сообществ, репрезентирующем дискурс в наиболее осторожной манере («Сады Мудрости»), даже сложно определить идеологов, на которых это сообщество ориентируется в качестве авторитетных «ученых» (цитируются в основном хадисы и труды средневековых, преимущественно салафитских, богословов).

В данных сообществах величина постов с негативной тональностью в сегменте популярных постов не превышает 31%. При этом группу «Этика требования знаний» отличает положительная тональность всех самых популярных постов (посвящены тематике морального идеала мусульманина, нравственных наставлений общего характера и этике семейной жизни). Отдельные элементы радикализма встречаются в постах низкого уровня востребованности (пост о «видах неверия» и с изречением шейха Аль-Албани о «второй джахилие», по сути обвиняющий современное общество во впадении в идолопоклонство, что соответствует идеологической установке радикального исламизма).

Отличительная особенность «умеренных» сообществ — прямая критика и отвержение «крайних» течений, выступающих под знаменем ислама (запрещенных

в Российской Федерации террористических организаций «Исламское государство», «Аль-Каида» и др.), которые по традиции именуются «хариджитами». Этот термин в общем значении ассоциируется с обозначением «экстремистов» и крайних «заблудших групп», оправдывающих нелегитимное насилие.

«Пограничные» сообщества

Совершенно иная ситуация обнаруживается при дискурс-анализе содержания «пограничных» сообществ. Пропорция негативного контента в наиболее резонансном сегменте постов составляет от 15 до 60%, но иногда бывает и выше. К примеру, в крупном сообществе «assalamu ale'kum» с большим перевесом превалирует контент с негативной эмоционально-смысловой окраской (две трети наиболее популярных постов). Контент с негативной тональностью затрагивает максимально широкий спектр тематик, но основную часть составляет тематика опровержения идеологических противников и проявления к ним вражды. Даже в самых популярных постах прослеживается отчетливая линия дискурса с налетом радикализма, направленного против последователей суфийского ислама (которых напрямую относят к «кяфирам», или «неверным»); шиитов и йеменских хуситов (которые именуются «ослами иудеев»); светских мусульман на примере турков-«кемалистов» (освещен скандальный случай отмены футбольного матча Суперкубка Турции в Саудовской Аравии и акцентируется внимание на неэтичном поведении турецких болельщиков в соцсетях). В менее популярных слоях контента обнаруживается установка на изоляционизм последователей салафизма от остальных мусульман (которые отнесены к «нововведенцам»), а также завуалированная критика светского государства и законодательства (пост, который призывает не подчиняться «не одному человеку на земле в том, что приводит к послушанию Аллаха»).

В «пограничных» сообществах образы врагов остаются несколько расплывчатыми, хотя степень враждебности к ним повышается. В качестве ведущей категории используется понятие «нововведенцы», удобное тем, что под него можно подвести любые группы и представителей течений и школ ислама, которые не входят в круг салафитских, или даже конкурирующие группы «салафитского манхаджа»³. К примеру, в сообществе «زهد» (араб. «аскетизм») можно встретить целый свод правил в отношении «нововведенцев» (на основе цитат средневекового богослова Фудейля ибн Ияда) с мотивом жесткой сегрегации «истинно верующих». Главными внутренними «врагами ислама» изображаются последователи суфизма и ашаризма (одна из традиционных богословских школ суннизма), а также шииты. К примеру, в группе «أشاور» даже в некоторых «топовых» постах ашариты и суфии открыто объявляются «кяфирами», то есть «неверными», при этом суфии без всяких сомнений отнесены к «подкатегории» шиитов. С опорой на целый список коранических изречений проводится попытка показать, что «большинство» людей в обществе относится к неверующим, нечестивцам, «не обладающим знаниями» и пр., то есть фактически обвиняется в жизни в условиях неверия. К этому добав-

³ Манхадж — популярный термин в салафизме, означающий «методологию», или путь практического воплощения вероучения.

ляется нарратив о «нововведенцах», в котором они именуются «самыми худшими из грешников» и «хуже для Ислама и мусульман, чем враги из числа неверных».

Среди внешних «врагов ислама» в период мониторинга на первое место вышла этноконфессиональная категория «иудеи», которая ассоциируется с милитаристской политикой Израиля в Палестине и угнетением мусульман (что связано с длительной военной операцией Израиля в Газе, спровоцированной террористическим нападением ХАМАС в октябре 2023 г.).

«Радикальные» сообщества

Радикальный дискурс также включает более жесткую и откровенную критику нравов светского общества (в виде пропаганды запрета участия мусульман в светских праздниках «неверных», таких как Новый год и 8 Марта), иногда — в эксплицитном или завуалированном виде — доктрину «дружбы и непричастности», формирующей ксенофобские и изоляционистские установки по отношению к представителям «чужих» социальных групп.

Для «радикальных» сообществ характерна более высокая доля контента с негативной эмоционально-смысловой тональностью — не менее 40 % в сегменте самого востребованного контента. Только одно сообщество выпадает из данной закономерности — «ТАУНИД_التوحيد», имеющее длительную и непростую историю. Ранее оно уже попадало в фокус внимания исследователей и по некоторым косвенным признакам было идентифицировано как предположительно симпатизирующее идеологии запрещенного ИГ [Барышев, Кашпур, Чудинов, 2022: 198]. В данном сообществе среди контента высокого уровня востребованности посты с негативной тональностью занимают гораздо меньший объем — 18 %. Более углубленный анализ публикуемых материалов показывает, что соотношение негативного, положительного и нейтрального контента остается примерно на том же уровне во всех сегментах контента. Но данный факт свидетельствует о более осторожной тактике репрезентации и трансляции своего идеологического дискурса: сообщество стремится к более завуалированной форме передачи смыслов и коммуникативных посланий своим единомышленникам и аудитории. Об отсутствии смены идеологических ориентиров и мировоззренческих позиций говорит сохранение визуальных образов, «брендовых» для данного сообщества: прежней аватарки с элементом «печать Пророка»; мемов, визуально оформляющих декларацию поддержки некоторых радикальных салафитских доктрин (доктрина «дружбы и непричастности») с визуально-семиотическим посылом, намекающим на поддержку джихадистских идеологических установок — в альбоме изображений группы сохраняется мем со слоганом-термином «аль-валя валь-баро», размещенным на фоне образа пистолета-пулемета УЗИ. Продолжает применяться прежде освоенная дискурсивная стратегия по выживанию (избегания блокировки) в социальной сети — почти все визуальные образы, сопровождающие текстуально-коммуникативные послания, содержат нейтральные образы природы.

Менее осторожными в своей тактике репрезентации радикального дискурса выглядят молодые и не такие многочисленные сообщества. Может сказываться отсутствие опыта гибкой адаптации к неблагоприятной информационной среде или же сознательная установка на относительно быстрое привлечение компле-

ментарной взглядам администраторов аудитории. Следует отметить, что и в случае повышения градуса радикальности репрезентируемого салафитского дискурса функционирующие во «ВКонтакте» сообщества ощущают грань дозволенности, балансируют на ней и привлекают лингво- и визуально-семиотические средства для обхода возможных ограничений в трансляции радикального дискурса.

Тематика постов с негативной тональностью охватывает максимальный объем наиболее популярного контента в онлайн-сообществах, которые отличаются прохамасовской позицией («Al Qamar» — 80 % и «Guraba» — 86 %). Основная тематическая компонента дискурса данных групп — информационная поддержка палестинского сопротивления в условиях военной операции Израиля в Газе. Репрезентация этой тематической линии дискурса оформляется в виде моральной поддержки палестинцев и сочувствия страданиям гражданскому населению, но эти темы используются для конструирования образа врага и мобилизации возможных сторонников. Поддержка и призыв к мобилизации сторонников палестинского сопротивления осуществляются в форме дуа — молитвы к Всевышнему, которая может содержать довольно жесткие выражения и проклятия в отношении врага. Данный набор тем дополняется рядом нарративов, нацеленных на дискредитацию врага (Израиля), дегуманизацию его образа. К таким нарративам относятся слухи о торговле израильянами человеческими органами в Газе; о бесчеловечности некоторых «израильских рэперов», выпускающих клипы в поддержку военной операции в Газе (с якобы косвенными призывами убивать младенцев) и др.

Дискурсивная линия, связанная с моральной поддержкой палестинцев в условиях военной операции в Газе, свойственна и многим другим салафитским сообществам и в целом с осени 2023 г. может считаться одной из топовых тематик в контенте таких сообществ. Важно отметить, что не только в «радикальных», но и в остальных сообществах встречается данная тематическая линия: в двух из пяти «умеренных» сообществ она представлена в самом «верхнем» сегменте постов в виде антиизраильского дискурса, более эксплицитно и ярко выраженного в «пограничных» и «радикальных» сообществах (где образ врага генерализируется и переносится на евреев в целом, которые в салафитском дискурсе неизменно определяются в рамках конфессиональной терминологии как «иудеи»).

Степень радикальности дискурса «радикальных» сообществ в отдельных постах и комментариях администраторов может доходить до косвенной поддержки насилия в отношении «врагов ислама». К примеру, в виде цитирования салафитского шейха ат-Тарифи о том, что «нельзя призывать к диалогу» с «иудеями», или выражения мнения о том, что конфликт в Палестине может иметь только военное решение (группа, посвященная стиху Корана 3:19). В другом сообществе («Ash-Shams») встречается молитва к Аллаху, в которой звучит просьба «уничтожить всякого упрямого тирана» и «всякого высокомерного, мятежного шайтана», истребить их «одного за другим».

Помимо этого, в более молодых и еще не имеющих значительной аудитории «радикальных» сообществах в более откровенной форме встречается доктрина «дружбы и непричастности», а также коммуникативное послание с призывом в завуалированной форме отвергать светское законодательство. К примеру, в сообществах «هائم» (араб. странник) и «I N T I S O A R» встречаются посты с призывами

общего характера отвергать «тагута», питать к нему вражду и ненависть, а также к тем, кто «следует» (не отвергает, подчиняется ему) за «тагутом». Причем во втором из вышеупомянутых сообществ ключевое понятие конкретизируется: к «тагуту» отнесен не только объект поклонения, но и «кто судит не по тому закону что ниспослал Аллах», что в радикально-салафитской доктрине означает следование любым законам, не имеющим шариатского происхождения.

Ориентация онлайн-сообществ на салафитских идеологов и конкретные течения исламизма

На вопрос о корреляции контента сообществ и транслируемого идеологического дискурса с ориентацией на конкретных салафитских идеологов и течения исламизма (см. табл. 2) не было найдено простого ответа. Сообщества, создатели которых ориентируются на течения и идеологов салафизма, обычно считающиеся более умеренными, транслируют разнообразный по градусу радикальности дискурс. Сообщества, идентифицированные нами как следующие мадхалитскому течению (отвергающему джихадистские установки и проповедующему лояльность власти в мусульманских странах, основатель — Раби ибн Хади аль-Мадхали), оказались в категориях «умеренных» (2 сообщества) и «пограничных» (1 сообщество).

Таблица 2. Идеологические ориентации исламистских онлайн-сообществ, июнь 2024 г.

Наименование сообщества	Кол-во подписчиков (тыс. человек)	Ориентация на идеологические течения и идеологов (признающихся «своими» или авторитетными)	Отвергаемые идеологические течения и идеологи внутри лагеря исламистов (идеологические оппоненты)	Отношение к ИГ* и другим террористическим (джихадистским) движениям
«Умеренные» сообщества				
® assalamu ale'kum	242К	Саудовский салафизм: шейх Мухаммад ибн Салих ибн Усеймин (Ибн Усеймин), шейх Мукъбиль ибн Хади аль-Уади (шейх Мукъбиль), шейх Салих аль-Фаузан (Аль-Фаузан), шейх Мухаммад Насир ад-Дин аль-Альбани (Аль-Альбани), шейх Абдуль Азиз ибн Баз (Ибн Баз) и др.	«Братья-мусульмане»*; ХАМАС; Абдуль Азиз ат-Тарифи Северокавказские салафитские идеологи: Абдуллах Костекский**	Отвергаются ИГ*, «Аль-Каида»*, джихадистские группировки (с опорой на фетву саудовского салафитского ученого шейха Салиха Али аш-Шейха)
Сады Мудрости	110	Цитируются только классические источники, салафитские средневековые ученые (Ибн Таймия, Ибн аль-Кайим и др.).	Нет данных	Нет данных

Наименование сообщества	Кол-во подписчиков (тыс. человек)	Ориентация на идеологические течения и идеологов (признающихся «своими» или авторитетными)	Отвергаемые идеологические течения и идеологи внутри лагеря исламистов (идеологические оппоненты)	Отношение к ИГ* и другим террористическим (джихадистским) движениям
К Единобожию	45	Саудовский салафизм: шейх Аль-Альбани, шейх Ибн Усеймин, шейх Усман Аль-Хамис и др. Идеологи салафизма постсоветского пространства: Абу Яхья Крымский (мадхализм)	ХАМАС, йеменские хуситы (отнесены к хариджитам)	ИГ*, «Аль-Каида»*, Талибан (отнесены к хариджитам)
Ханифия	38	Саудовский салафизм: шейх Усман аль-Хамис, шейх аль-Альбани, шейх Ибн Баз, шейх Ибн Усеймин, шейх Салих аль-Фаузан и др. В прошлом мониторинге (2021—2022 г.): мадхализм.	Президент Турции Р. Эрдоган объявлен «кяфиром» В прошлом мониторинге (2021 г.): Абдуль Азиз ат-Тарифи, Сулейман аль-Ульван; Мухаммад Мурси — лидер «Братьев-мусульман»* (в сентябре 2021); Абдуллах Костекский**	В прошлом мониторинге (2021 г.): несколько постов против ИГ* и Хайят Тахрир аш-Шам (ХТШ)* Сохранился пост (от июля 2021 г.) против ХТШ* (и предположительно против ИГ*)
Этика требования знаний	36	Идеологи салафизма постсоветского пространства: Салим Абу Умар аль-Газзи Саудовский салафизм: шейх Ибн Усеймин, шейх Аль-Альбани, шейх Абдур-Раззак аль-Бадр, шейх Мукъбиль, шейх Абдул-Рахман бин Насир аль-Баррак и др.	Нет данных	Нет данных
«Пограничные» сообщества				
Блокнот Единобожника	111	Саудовский салафизм: шейх Салих аль-Фаузан, шейх Ибн Усеймин, шейх Абдур-Раззак аль-Бадр и др.	Нет данных	Нет данных

Наименование сообщества	Кол-во подписчиков (тыс. человек)	Ориентация на идеологические течения и идеологов (признающихся «своими» или авторитетными)	Отвергаемые идеологические течения и идеологи внутри лагеря исламистов (идеологические оппоненты)	Отношение к ИГ* и другим террористическим (джихадистским) движениям
إن الدين عند الله الإسلام 3:19	65	Саудовский салафизм: шейх Халид аль-Фулейдж, шейх Абдуль Азиз ат-Тарифи, шейх Халид ар-Рашид и др. Северокавказские салафитские идеологи: Надыр Абу Халид**	Нет данных	Нет данных
Конспекты для ищущих знания	43	Саудовский салафизм: шейх Аль-Фаузан, шейх Ибн Усеймин, шейх Салих аль-Лухайдан, шейх Мукъбиль и др. Северокавказские салафитские идеологи: Абу Джабир Муцалаулский	«Братья-мусульмане»*, ХАМАС, Таблиги джамаат* Северокавказские салафитские идеологи: Абдуллах Костекский**, Абу Умар Саситлинский** ⁴ (критика деятельности его «благотворительного фонда»)	Нет данных
Ahlu Sunnah Wal' Jama'a Fatwa Online	29	Саудовский салафизм: шейх Аль-Фаузан, шейх Ибн Усеймин, шейх Ибн Баз, шейх Зайд аль-Мадхали и др. Северокавказские салафитские идеологи: Абу Джабир Муцалаулский	«Братья-мусульмане»* Идеологи салафизма постсоветского пространства: Ринат Абу Мухаммад (Ринат Зайнуллин) — идеолог мадхализма	Нет данных
زهد	18	Мадхализм (шейх Раби ибн Хади аль-Мадхали) Саудовский салафизм: шейх Ибн Усеймин, шейх Аль-Фаузан, доктор Абд аль-Латиф Али-Шейх и др.	«Братья-мусульмане»*, ХАМАС (упоминается движение в целом и Исмаил Ханья), «Джамаат Ат-Таблиг»*, Хизбут-Тахрир*; шейх Абдуль Азиз ат-Тарифи, «суруриты» (последователи Мухаммада ас-Сурури) Северокавказские салафитские идеологи: Абу Умар Саситлинский**, Абдуллах Костекский**	Нет данных

⁴ Здесь и далее ** означает физическое лицо, включенное в Перечень физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

Наименование сообщества	Кол-во подписчиков (тыс. человек)	Ориентация на идеологические течения и идеологов (признающихся «своими» или авторитетными)	Отвергаемые идеологические течения и идеологи внутри лагеря исламистов (идеологические оппоненты)	Отношение к ИГ* и другим террористическим (джихадистским) движениям
Исцеления сердец	15	Саудовский салафизм: шейх Аль-Фаузан, шейх Ибн Баз, шейх Ахмад ан-Наджми и др.	Нет данных	Нет данных
FAWA'ID	8	Саудовский салафизм: шейх Ибн Усеймин, шейх аль-Фаузан, шейх Бадр аль-Утейби и др.	Предположительно ХАМАС	Нет данных
Vabil	6	Саудовский салафизм: шейх аль-Фаузан, шейх аль-Альбани, шейх Ибн Баз, шейх Салих аль-Усайми и др.	Нет данных	Нет данных
«Радикальные» сообщества				
TAUHID_التوحيد	26	Цитируются только средневековые ученые, включая салафитских (Ибн Таймия, Ибн аль-Кайим и др.)	Нет данных	Предположительно влияние ИГ*
Al Qamar	12	ХАМАС, шейх Джамиль Халим	«Таймиты-ваххабиты» (в том числе Райф ибн Саяф, Закир Найк, Халид аль-Фулейдж, Усман аль-Хамис), отвержение саудовского салафизма (ваххабизма) в целом	Нет данных
«ASH-SHAMS»	11	В основном цитируются Коран, хадисы. Саудовский салафизм: шейх аль-Альбани.	Нет данных	Нет данных
Guraba	10	ХАМАС. Цитируются Коран, хадисы, средневековые исламские ученые	Нет данных	Нет данных

Наименование сообщества	Кол-во подписчиков (тыс. человек)	Ориентация на идеологические течения и идеологов (признающихся «своими» или авторитетными)	Отвергаемые идеологические течения и идеологи внутри лагеря исламистов (идеологические оппоненты)	Отношение к ИГ* и другим террористическим (джихадистским) движениям
هائم	6	Саудовский салафизм: шейх Сулейман Ибн Сахман ан-Наджи, Абдул Латыф Аль аш-шейх ('Абдуль-Лятыф Аали аш-Шейх), Абдуль Азиз ар-Раджихи	Нет данных	Нет данных
«INTISOAR»	0,512	Саудовский салафизм: шейх Хамад ибн Атик Северокавказские идеологи: Надыр Абу Халид	Нет данных	Влияние ИГ* (цитируется «шейх Турки бин 'Али» — идеолог ИГ)

С уверенностью можно констатировать только то, что общей идеологической базой сообществ выступает саудовский салафизм, представленный широким кругом официально признанных ученых (богословов) и правоведов (только одна группа — «Al Qatar», осуществляющая информационную поддержку ХАМАС, — открыто отвергает «таймитов-ваххабитов» и даже содержит ссылку на антиваххабитский видеоролик, где данное течение объявляется вне ислама). При этом следует отметить, что значительная часть переведенных на русский язык трудов наиболее популярных из данных авторов (таких как Салих аль-Фаузан, Аль-Усеймин, Ибн Баз и др.) внесена в российский перечень запрещенных экстремистских материалов. Помимо этого, среди саудовских салафитских идеологов встречаются такие, которые отличаются излишне радикальной (даже по меркам официального саудовского салафизма) позицией по отдельным вопросам, таким как отношение к Израилю, обвинение в неверии и отлучение (такфира) и пр. К примеру, Абдуль-Азиз ат-Тарифи (на своей родине в Саудовской Аравии был арестован и помещен в тюремное заключение в 2016 г. и предположительно освобожден только в 2025 г.). Отношение к таким лидерам неоднозначное. Два из «умеренных» сообществ открыто отвергают авторитет Ат-Тарифи, тогда как в лагере «пограничных» сообществ мнения разделились: в двух из сообществ, где мнение в адрес его личности явно выражено, одно поддерживает его взгляды, тогда как другое открыто отвергает их как ложные.

Большую часть онлайн-сообществ составляют последователи саудовского салафизма (ваххабизма), в понимании ислама ориентирующиеся в первую очередь на ваххабитский «канон» — ключевые сочинения Ибн Абд аль-Ваххаба, а также на труды и выступления современных саудовских богословов и средневековых богословов, причисляемых к салафитам (Ибн Теймия, Ибн Аль-Каййим аль-Джаузи и др.). Меньшая часть сообществ примыкает к другим течениям исламизма —

идеологии Ассоциации «Братья-мусульмане»⁵, а также вышедшей из лона этого движения радикальной исламистской партии ХАМАС. Идеологическую близость к «Братьям-мусульманам» можно идентифицировать только по косвенным признакам. Ориентация на ХАМАС выявляется проще, поскольку поддержка выражается в более открытой форме (в виде публикации мемов с фотографиями лидеров или боевиков ХАМАС и др.). Оба сообщества с прохамасовской позицией попадают в категорию «радикальных». При этом отвергают идеологию и критикуют деятельность ХАМАС не только некоторые «умеренные» сообщества, но также и три «пограничные» сообщества.

Действующие или ранее действовавшие северокавказские идеологи, или эмиссары, салафизма на постсоветском пространстве также выступают идеологическими ориентирами некоторых сообществ: Надыра Абу Халида упоминают одно «пограничное» и одно «радикальное» сообщество; Саида Абу Джабира Муцалаулского — два «пограничных» и одно «радикальное» сообщество; Абу Яхья Крымского и Салима Абу Умар аль-Газзи — по одному «умеренному» сообществу. В целом их популярность значительно уступает саудовским салафитским идеологам. Что касается северокавказских проповедников откровенно экстремистского толка, то в распространении их взглядов не замечено ни одно из рассматриваемых сообществ. Более того, в двух «умеренных» и двух «пограничных» сообществах Абу Умар Саситлинский** и Абдуллах Костекский** отвергаются как ложные идеологи. Те сообщества, которые подозреваются во влиянии на них идеологии ИГИЛ*, демонстрируют только косвенные признаки данного влияния (к примеру, в одном из них опубликован пост с цитатой идеолога ИГ* по религиозно-правовому вопросу о том, какие условия делают пост в священный месяц недействительным).

Обсуждение результатов

Анализ полученных результатов показывает, что за последние годы уровень радикализма транслируемого исламистскими онлайн-сообществами контента в социальной сети «ВКонтакте» в целом снизился.

Результаты мониторинга 2021 г. (с 1 января по 31 сентября), где количество анализируемых сообществ в два раза уступало настоящей выборке (что было обусловлено целями исследования — анализом медиаобразов и визуальных форм дискурса) [Барышев, Кашпур, Чудинов, 2022], из десяти сообществ 40 % можно было отнести к «радикальным» (по прямым и косвенным признакам были ориентированы на идеологию Абу Умара Саситлинского**, Абдуллаха Костекского** или являлись предположительными симпатизантами ИГ*), 30 % — к «умеренным» и другие 30 % — к «пограничным» сообществам.

В настоящем мониторинге 26 % сообществ относятся к «радикальным», 47 % — к «пограничным» и 27 % — к «умеренным». Несмотря на то что доля «пограничных» сообществ в данной выборке увеличилась, анализ дискурса показывает наличие более завуалированных форм репрезентации идеологических позиций со стороны «пограничных» и «радикальных» сообществ.

⁵ Запрещенная на территории Российской Федерации террористическая организация.

В некоторых сообществах регистрируется явное понижение градуса радикализма в распространяемом идеологическом контенте в первую очередь по причине ужесточения цензуры в социальных сетях. Приведем некоторые примеры. Сообщество «Ханифия» (помимо переименования и «обмена» титульными именами с другим, аффилированным с ним, сообществом) значительно изменило транслируемый дискурс. Если ранее, в предшествующем исследовании [Барышев, Кашпур, Чудинов, 2022], оно попадало в категорию «радикальных» и содержало отчетливую дискурсивную линию «религиозно-политической» тематики (критика лидеров дагестанского суфизма, враждебность в первую очередь в отношении личности Саида Афанди Чиркейского), теперь эта линия пресеклась. Более жесткий и представленный в символически-агрессивной форме дискурс против ашаризма и матуридизма (рационалистических богословских школ традиционного суннитского ислама) также модифицировался в более умеренные лингво-семиотические формы. Ушел с повестки также транслировавшийся ранее нарратив о нелегитимности светских законов и обвинении в «неверии» (куфр) того, кто подчиняется и «подтверждает» эти законы.

Сообщество «TAUHID_التوحيد», ранее отличавшееся более высокой степенью радикальности транслируемой идеологии и косвенной символической идентификацией себя с джихадистскими установками, приняло более осторожную тактику продвижения радикально-салафитского дискурса. Уровень транслируемого дискурса снизился фактически до внешне почти неразличимого с дискурсом «умеренных» групп.

По результатам мониторинга 2021 г. исследования контента салафитских онлайн-сообществ во «ВКонтакте» [Барышев, Кашпур, Чудинов, 2022] выявлялись как минимум два сообщества, открыто распространявших медиаматериалы Абу Умара Саситлинского** и Абдуллаха Костекского** (с совокупной аудиторией 35,8 тыс. подписчиков). «Радикальные» по транслируемому дискурсу сообщества покрывали своим влиянием около 50% совокупной онлайн-аудитории салафитских сообществ. Сейчас данная ситуация значительно изменилась в сторону снижения градуса радикальности транслируемого салафитского дискурса. Также важно отметить, что радикальный дискурс частично переместился в виртуальное пространство слабо контролируемой платформы Telegram. Однако масштаб деятельности там значительно уступает возможностям развития в социальной сети «ВКонтакте». К примеру, у трети анализируемых сообществ во «ВКонтакте» имеются «зеркальные» ресурсы в Telegram, но лишь в некоторых случаях дискурс меняет свой характер на более радикальный. При этом очевидно, что Telegram не может полноценно заменить «ВКонтакте», поскольку аудитория «зеркальных» групп значительно уступает оригинальным — у сообществ с десятками тысяч участников аудитория в Telegram варьируется в среднем от 200 до 500 подписчиков.

Онлайн-сообщества, напрямую аффилированные с официально запрещенными и признанными в России террористическими организациями и отдельными физическими лицами, включенными в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, за последние годы перенесли свою информационную активность на другие платформы, слабо или почти не контролируемые

государственными органами власти. К примеру, информационные ресурсы, связанные с «благотворительными фондами» уроженца Дагестана, живущего в эмиграции Абу Умара Саситлинского**, сохраняют свое присутствие на платформе «ВКонтакте» лишь в виде «архивных» (поддерживались администраторами до осени 2019 г.). Основная активность была перенесена на YouTube, который стал главной платформой распространения экстремистского дискурса Саситлинского** для русскоязычной аудитории (его канал на видеохостинге имеет 285 тыс. подписчиков и содержит 1 тыс. видеороликов).

Радикально изменилась ситуация с влиянием исламистских террористических движений, таких как ИГ*, на дискурс салафитских онлайн-сообществ. В 2017 г. (период мониторинга: май–июнь) все четыре сообщества, идентифицированные в качестве «экстремистских», были связаны с открытой или завуалированной пропагандой ИГ* (уже тогда группы с медиаматериалами ИГ* довольно быстро блокировались) [Myagkov et al., 2020b]. В 2021 г. только два стабильно функционирующие сообщества подозревались в симпатиях к ИГ* (хотя радикальный дискурс транслировался крайне осторожно) [Барышев, Кашпур, Чудинов, 2022]. В текущем мониторинге никаких компонентов экстремистского дискурса ИГ* не обнаруживается, лишь два сообщества по слабым косвенным признакам определены как испытывавшие влияние ИГ* (одно из них из предыдущего списка, второе — молодое и крайне малочисленное).

Вышеобозначенная тенденция позволяет провести некоторые параллели с исследованиями зарубежных социальных сетей. Исследование С. Дукича [Dukić, 2021] показывает, что некоторые салафитские имамы в Северной Македонии в крупных западных социальных сетях активно камуфлируют радикальную пропаганду под умеренный контент, тогда как локальные онлайн-сообщества исламистов формируют группы в Telegram и Facebook⁶ на албанском языке. А. Зелин указывает на факт частичного перехода глобальных террористических сетей из западных социальных сетей на сайты с мигрирующим доменным именем и в Даркнет [Zelin, 2025].

В сегменте сообществ, идентифицированных как «умеренные», основное содержание составляют нравственные и религиозные наставления общего характера. Образ врага (как внешнего для мусульманского сообщества, так и внутренне-го) представлен в абстрактных чертах. Радикальные компоненты дискурса могут присутствовать, но в виде спорадических, общих и завуалированных коммуникативных посланий.

У аудитории исламистских сообществ на первое по популярности место вышли следующие тематические блоки: с положительной эмоционально-смысловой тональностью — «идеал мусульманина» и «этика семейной жизни», с негативной тональностью — «внешний враг». Первые две тематики посвящены общим нравственным наставлениям (о личных качествах, отношениях между полами и между членами семьи), формированию нормативного образа «истинно верующего». Тема «внешний враг» в силу исторических обстоятельств почти полностью сводится к общей моральной поддержке Палестины и критике военных действий Израиля

⁶ Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ (20.06.2022).

в Газе (соответственно, главный внешний «враг мусульман» определяется в этноконфессиональном контексте как «иудеи»). Палестино-израильский конфликт всегда привлекал внимание исламистских сообществ, но не был магистральной линией дискурса. Длительная интенсивная военная операция и массовый ущерб гражданскому населению привели к резкому всплеску именно палестинской тематики, который, вероятно, завершится до относительной нормализации ситуации в Палестине.

В последние годы внимание отечественных исследователей активно привлекает мигрантская онлайн-аудитория, которой свойственны свои бытовые, социально-политические и религиозные дискурсы. Социальные сети и другие интернет-ресурсы создают транснациональные пространства для мигрантской аудитории [Лисицын, Трегубова, Орлова, 2021], или пространство «кибермиграции» [Лисицын, Гибазов, 2025], в котором участники «перемещаются» независимо от физического пространства. Последнее включает в себя не только особое коммуникационное поле, но и факторы радикализации, поскольку позволяет получить более свободный доступ к пропаганде радикальных религиозно-политических течений (в большинстве стран Средней Азии религиозная сфера жестко контролируется государством).

К примеру, в исследовании онлайн-ресурсов неформальных сообществ мигрантов Азербайджана и четырех среднеазиатских государств авторы обнаружили тесное переплетение радикальной религиозной тематики с националистической, а также доминирование национализма и регионального сепаратизма [Трегубова, Иванова, 2020]. Данные выводы непосредственно вытекают из более широкого предмета исследования (сообщества с мигрантской тематикой), тогда как наша работа сконцентрирована на сугубо исламистских (прежде всего — радикально-салафитских) сообществах. Во втором случае религиозный дискурс, безусловно, доминирует, а националистические мотивы максимально приглушены (салафизм враждебно относится к национализму как светской идеологии). Помимо этого, сепаратистские лозунги несут значительные риски судебного преследования.

Качественные изменения контента (снижение степени радикальности дискурса) за последние годы связаны преимущественно с ужесточением контроля над информационными материалами в российских социальных сетях. При этом следует отметить сохранение почти прежнего уровня онлайн-аудитории, интересующейся исламистской идеологией, а также длительное функционирование некоторых крупных салафитских групп во «ВКонтакте». Сохранение подобных групп в киберпространстве, немалая часть которых связана с Северным Кавказом и тематизацией региональных проблем в контексте глобальной салафитской повестки, может быть отражением длящегося межпоколенческого конфликта и последствий аномического состояния институциональной и ценностной основы северокавказского общества (имеющего свои истоки в конце 1980-х — 1990-х годах). Исследования И. В. Стародубровской и ее коллег показывают, что именно исламизм (религиозный фундаментализм) более других идеологий (национализма) удовлетворяет потребности разочаровавшихся в социальном порядке представителей молодежи в обретении новой нормативности и определенности в ценностной сфере [Стародубровская, 2015]. Эта идеология позволяет выйти из-под

«опеки» традиционных неформальных институтов и обычаев, противопоставить молодежь «отцам», сложившейся социальной иерархии и официальной власти (как светской, так и духовной) в контексте декларируемого несоответствия строгой исламской «нормативности».

Заключение

Несмотря на явную тенденцию к снижению градуса радикальности дискурса, транслируемого салафитскими онлайн-сообществами во «ВКонтакте», следует отметить и ряд других примечательных фактов.

Как показывают результаты исследования, доминирующий регистр эмоционально-смысловой тональности в контенте сообществ отражает степень радикальности или умеренности репрезентируемого сообществами дискурса. Среди сообществ, отнесенных нами к «умеренным», наиболее востребованный сегмент контента (и в значительной степени контент в целом) содержит коммуникационные послания преимущественно с нейтральной и положительной заряженностью, тогда как сообщества «пограничного» и «радикального» характера транслируют дискурс со значительно повышенной долей постов с негативной эмоционально-смысловой тональностью (выражающих крайне критические, враждебные настроения по отношению к идеологическим оппонентам и внешнему по отношению к ним социуму в целом). Наряду с этим заметна неоднородность контента даже «умеренных» сообществ. Часть из довольно популярных «умеренных» салафитских онлайн-сообществ при более детальном дискурс-анализе обнаруживают признаки сообществ «пограничного» характера. В целом более умеренный по содержанию, характеру прямых и скрытых мобилизирующих призывов к аудитории, идеологический дискурс таких сообществ все же включает в себя отдельные, тщательно камуфлируемые компоненты радикализма (хотя и выраженные фрагментарно и несистематически, что свойственно прежде всего «пограничным» и «радикальным» группам), такие как доктрина «дружбы и непричастности». Это означает, что «умеренные» сообщества могут представлять собой более гибко адаптирующиеся под цензурные ограничения салафитские онлайн-группы, которые скрывают подлинный уровень радикализма своих установок.

Для «умеренных» и части «пограничных» сообществ характерна дискурсивная стратегия слабой конкретизации и сознательно «размытой» семантики тех категорий и понятий, которые могут быть оценены как выражающие радикальные идеологические установки. В случае «радикальных» сообществ дискурс приобретает большую конкретизацию и радикализируется интенсифицируется вплоть до завуалированной легитимизации насилия. В данном случае отчетливо проявляется одна из особенностей радикального салафитского дискурса — бескомпромиссная критика своих идеологических оппонентов (в первую очередь это последователи и лидеры традиционного ислама, полемизирующие с салафитами), иногда перерастающая в проявление к ним вражды и ненависти.

Общей и магистральной тематической линией в дискурсе онлайн-сообществ в период мониторинга стала поддержка Палестины в условиях обострившегося палестинно-израильского конфликта и затянувшейся военной операции в Газе. Также сквозной вне зависимости от степени радикальности сообществ выступает тема

экзистенциального одиночества и «чуждости» ислама в «последние времена» и чуждости «истинно верующего», что провоцирует формирование изоляционистской установки у последователей салафитской идеологии. К компонентам радикального дискурса также относятся следующие нарративы и тематические линии: враждебные нарративы в отношении внутренних (лидеры и последователи суфизма, шиизма, традиционных богословских школ) и внешних врагов (к ним причисляются в первую очередь «иудеи», реже — «христиане»), отвержение светских праздников как обычаев «неверных» (или явного нарушения чистоты единобожия в случае участия в них мусульман), пропаганда доктрины «дружбы и непричастности», обвинение современного мусульманского общества в духовно-нравственном падении, порочности, а иногда — в возвращении к джахилии (доисламскому идолопоклонству).

Что касается идеологической ориентации исламистских онлайн-сообществ во «ВКонтакте», то почти для всех из них общей идеологической базой выступает саудовский салафизм (ваххабизм), а разница заключается лишь в предпочтении конкретных ученых и идеологических направлений. Только сообщества, которые ориентируются на ХАМАС и оказывают этому движению информационную поддержку, не опираются на данные источники или даже отвергают их.

Список литературы (References)

1. Барышев А. А., Кашпур В. В., Чудинов С. И. Российские салафитские онлайн-сообщества: текстуальные и визуальные аспекты дискурса и транслируемые медиаобразы // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2022. № 65. С. 192—212.
Baryshev A. A., Kashpur V. V., Chudinov S. I. (2022) Russian Salafi Online Communities: Textual and Visual Aspects of Discourse and Broadcast Media Images. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 65. P. 192—212. (In Russ.)
2. Красиков В. И., Оганесян Р. Г. Онлайн-группы с радикальной политической риторикой в социальной сети «ВКонтакте»: региональный аспект // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 95—109. URL: https://journal.rpa-mu.ru/Media/journal/archiv/2024/4/VestnRPA_2024_4-s10.pdf (дата обращения: 16.12.2025).
Krasikov V. I., Oganesyanyan R. G. Online Groups with Radical Political Rhetoric in the Social Network “VKontakte”: Regional Aspect. *Herald of the Russian Law Academy*. 2024. No. 4. P. 95—109. URL: https://journal.rpa-mu.ru/Media/journal/archiv/2024/4/VestnRPA_2024_4-s10.pdf (date of access: 16.12.2025). (In Russ.)
3. Лисицын П. П., Гибазов Р. Р. Кибермиграция в объективе миграционных исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 1. С. 284—301. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2581>.
Lisitsyn P. P., Gibazov R. R. (2025) Cyber Migration in the Lens of Migration Studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 284—301. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.1.2581>. (In Russ.)

4. Лисицын П. П., Трегубова Н. Д., Орлова Н. А. В поисках транснационализма онлайн: обзор сайтов по миграционной тематике на шести языках // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2021. № 1. С. 126—133. https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_1_126.
Lisitsyn P., Tregubova N., Orlova N. (2021) Searching for Transnationalism Online: Review of Web Sites on Migration Issues in Six Languages. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. No. 1. P. 126—133. https://doi.org/10.51692/1994-3776_2021_1_126. (In Russ.)
5. Стародубровская И. В. Неформальные институты и радикальные идеологии в условиях институциональной трансформации // Экономическая политика. 2015. Т. 10. № 3. С. 68—88.
Starodubrovskaya I. (2015) Informal Institutions and Radical Ideologies in the Process of Institutional Transformation. *Economicheskaya politika*. Vol. 3. No. 10. P. 68—88. (In Russ.)
6. Трегубова Н. Д., Иванова А. А. Радикализация мигрантов и экстремистский потенциал онлайн-ресурсов: Сравнительный анализ сетевых пространств взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2020. Т. 5. № 3. С. 145—167. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/11541> (дата обращения: 16.12.2025).
Tregubova N. D., Ivanova A. A. (2020) Extremism Online: Comparative Analysis of the NIS Migrants' Social Networks. *Communications. Media. Design*. Vol. 5. No. 3. P. 145—167. URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/11541> (date of access: 16.12.2025). (In Russ.)
7. Abdulmajid A. (2023) Salafi-Influencers: Analytical Study of the Discourse of Neo-Salafi Preachers on Social Media. *Living Islam: Journal of Islamic Discourses*. Vol. 2. No. 6. P. 51—69. <https://doi.org/10.14421/ljijd.v6i2.4489>.
8. Ayad M. (2021) Islamogram: Salafism and Alt-Right Online Subcultures. London: Institute for Strategic Dialogue (ISD). URL: <https://www.isdglobal.org/wp-content/uploads/2021/11/Islamogram.pdf> (date of access: 16.12.2025).
9. Barton G. (2019) Understanding Key Themes in the ISIS Narrative: An Examination of Dabiq Magazine. In: Mansouri F., Keskin Z. (eds.) *Contesting the Theological Foundations of Islamism and Violent Extremism*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. P. 139—162.
10. Bouko C., Rieger D., Van Ostaeyen P., Naderer B. Discourse Patterns Used by Extremist Salafists on Facebook: Identifying Potential Triggers to Cognitive Biases in Radicalized Content. *Critical Discourse Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 1—22. <https://doi.org/10.1080/17405904.2021.1879185>.
11. Ducoil B. (2012) Uncovering the French-speaking Jihadisphere: An Exploratory Analysis. *Media, War & Conflict*. Vol. 5. No. 1. P. 51—70. <https://doi.org/10.1177/1750635211434366>.
12. Dukic S. (2021) Online Extremism in North Macedonia. Politics, Ethnicities and Religion. Institute for Strategic Dialogue. URL: <https://www.isdglobal.org/wp-content/>

- [uploads/2022/01/Online-Extremism-Mapping-North-Macedonia.pdf](#) (date of access: 16.12.2025).
13. Fairclough N. (2010) *Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language*. New York: Routledge.
  14. Fisher A. (2015) Swarmcast: How Jihadist Networks Maintain a Persistent Online Presence. *Perspectives on Terrorism*. Vol. 9. No. 3. P. 3—20. URL: <http://www.jstor.org/stable/26297378>.
  15. Guhl J., Comerford M. (2021) *Understanding the Salafi Online Ecosystem: A Digital Snapshot*. London: Institute for Strategic Dialogue (ISD). URL: <https://www.isdglobal.org/wp-content/uploads/2021/11/Snapshot-study.pdf> (date of access: 16.12.2025).
  16. Holbrook D. (2015) Designing and Applying an 'Extremist Media Index'. *Perspectives on Terrorism*. Vol. 9. No. 5. P. 57—68. URL: <https://www.jstor.org/stable/26297434> (date of access: 16.12.2025).
  17. Klausen J. (2015) Tweeting the Jihad: Social Media Networks of Western Foreign Fighters in Syria and Iraq. *Studies in Conflict & Terrorism*. Vol. 38. No. 1. P. 1—22. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2014.974948>.
  18. Myagkov M., Chudinov S. I., Kashpur V. V., Goiko V. L., Shchekotin E. V. (2020a) Islamist Communities on VKontakte: Identification Mechanisms and Network Structure. *Europe-Asia Studies*. Vol. 72. No. 5. P. 863—893. <https://doi.org/10.1080/09668136.2019.1694645>.
  19. Myagkov M., Shchekotin E. V., Chudinov S. I., Goiko V. L. (2020b) A Comparative Analysis of Right-Wing Radical and Islamist Communities' Strategies for Survival in Social Networks (Evidence from the Russian Social Network VKontakte). *Media, War & Conflict*. Vol. 72. No. 4. P. 425—447. <https://doi.org/10.1177/1750635219846028>.
  20. Müller P., Harrendorf S., Mischler A. (2022) Linguistic Radicalisation of Right-Wing and Salaf Jihadist Groups in Social Media: A Corpus-Driven Lexicometric Analysis. *European Journal on Criminal Policy and Research*. No. 28. P. 203—224. <https://doi.org/10.1007/s10610-022-09509-7>.
  21. Newmann P. (2021) *Countering Online Radicalization in America*. Washington, DC: Bipartisan Policy Center.
  22. Odağ Ö., Leiser A., Boehnke K. (2019) Reviewing the Role of the Internet in Radicalization Processes. *Journal for Deradicalization*. No. 21. P. 261—300. URL: <https://journals.sfu.ca/jd/index.php/jd/article/view/289>.
  23. O'Halloran K. L., Tan S., Wignell P., Lange R. (2017) Multimodal Recontextualisations of Images in Violent Extremist Discourse. In: Zhao S., Djonov E., Björkqvall A., Boeriis M. (eds.) *Advancing Multimodal and Critical Discourse Studies: Interdisciplinary Research Inspired by Theo Van Leeuwen's Social Semiotics*. London, New York: Routledge. P. 181—202.

24. Post J. M., McGinnis C., Moody K. (2014) The Changing Face of Terrorism in the 21st Century: The Communications Revolution and the Virtual Community of Hated. *Behavioral Sciences and the Law*. Vol. 32. No. 5. P. 306—334. <https://doi.org/10.1002/bsl.2123>.
25. Rudner M. (2016) “Electronic Jihad”: The Internet as Al Qaeda’s Catalyst for Global Terror. *Studies in Conflict and Terrorism*. Vol. 40. No. 1. P. 10—23. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2016.1157403>.
26. Sageman M. (2009) The Next Generation of Terror. *Foreign Policy*. October 8. URL: <https://foreignpolicy.com/2009/10/08/the-next-generation-of-terror/> (date of access: 16.12.2025).
27. Saoudi F. (2020) A Critical Analysis of the Salafis’ Ideological Discourse on Facebook and its Identity Significance. *Journal of Human Sciences — Oum El Bouaghi University*. Vol. 7. No. 2. URL: <https://www.asjp.cerist.dz/en/article/122908> (date of access: 16.12.2025).
28. Schmid A. P. (2015) Challenging the Narrative of the ‘Islamic State’. ICCT Research Paper, June 2015.
29. Van Dijk T. A. (2001) Critical Discourse Analysis. In: Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H. E. (eds.) *The Handbook of Discourse Analysis*. Malden: Blackwell Publishers Ltd. P. 352—371.
30. Wignell P., Tan S., O’Halloran K. L., Lange R. (2017) A Mixed Methods Empirical Examination of Changes in Emphasis and Style in the Extremist Magazines Dabiq and Rumiyah. *Perspectives on Terrorism*. Vol. 11. No. 2. P. 2—20. URL: <https://www.jstor.org/stable/26297775>.
31. Zelin A. (2025) The Digital Battlefield: How Terrorists Use the Internet and Online Networks for Recruitment and Radicalization. The Washington Institute for Near East Policy, March 2025. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/sites/default/files/pdf/ZelinTestimony20250304-v2.pdf>.